

Маршал артиллерии Н. Д. Яковлев Рядом со Сталиным

Когда мы беремся рассуждать о 22 июня 1941 года, черным крылом накрывшем весь наш народ, то нужно отвлечься от всего личного и следовать только правде. Непозволительно пытаться взвалить всю вину за внезапность нападения фашистской Германии только на И. В. Сталина. Прошу понять меня правильно — когда я пишу это, то далек от мысли встать в ряды недоброй памяти защитников всего того, что решительно осуждено. Да и не приличествует мне защищать Сталина по причинам личного характера: я встретил день его смерти в 1953 году, находясь в одиночке бериевской тюрьмы, где мысли мои были заняты главным образом тем, как отбить очередные вздорные «обвинения», нагромождавшиеся следователями. Не оставляет меня и то вполне реальное соображение, что, если бы не скончался в то время Сталин, я бы не писал теперь эти строки.

Много горя принесли тяжелые 1937 и 1938 годы. В результате репрессий были загублены блестящие кадры командиров и политработников Красной Армии. Тяжелые условия для нашего народа создались из-за допущенных просчетов в сроках нападения Германии. Не так сложился бы начальный период войны, если бы войска хотя бы на несколько недель раньше получили нужные директивы, развернулись бы и изготовились к бою.

Таких упреков можно приводить немало в адрес не только И. В. Сталина. Никто не упрекнул бы, например, в провокации командование 4-й армии Белорусского военного округа, если бы оно вывело из казарм в Бресте полки стрелковой дивизии, а не оставило бойцов в ночь на 22 июня в казармах, двери которых были под пулеметным прицелом с вражеской территории. В бесконечных сетованиях наших военачальников о «внезапности» просматривается попытка снять с себя всю ответственность за промахи в боевой подготовке войск, в управлении ими в первый период войны. Они забывают главное: приняв присягу, командиры всех звеньев — от командующих фронтами до командиров взводов обязаны держать войска в состоянии боевой готовности. Это их профессиональный долг, и объяснять невыполнение его ссылками на И. В. Сталина не к лицу солдатам.

* * *

Объективно оценивая обеспеченность наших сухопутных сил к июню 1941 года вооружением и боеприпасами, следует подчеркнуть, что то, что было сделано за предвоенные годы, являлось, видимо, пределом наших экономических возможностей. Политическое руководство страны рассчитывало на более поздние сроки войны, а когда она началась, полагалось на профессиональное мастерство наших командующих. К сожалению, оно не всегда было на высоте. Признать это фронтовикам трудно, ибо в таком случае нужно бы сказать, что взаимодействие между родами войск организовывалось наспех, не было должной разведки и не всегда существовало твердое и целеустремленное руководство. Куда легче сетовать на нехватку вооружения и боеприпасов как на основную причину неблагоприятного развития событий на фронте. По крайней мере осязаемо и просто.

Руководство Генштаба в быстро изменявшейся оперативной обстановке целиком переключилось на действия фронтов, и сверстывать план заказов стало некому, а начальников, распорядившихся отпуском боеприпасов и вооружения, оказалось много. Все нарастали требования фронтов. ГАУ лихорадило от неразберихи.

В кабинет начальника ГАУ несколько дней подряд приходил Маленков со своим помощником Шаталиным. После них в одном из кабинетов поместился Н. А. Вознесенский со своим помощником Мохневым. Несколько недель в роли

назойливого контролера был Мехлис. Я досыта насмотрелся на разного рода «проверяющих». Пока они тихо сидели в кабинете, это было неприятно, но терпимо. Однако, когда некоторые возомнили себя специалистами, конфликты оказались неизбежными. Я был вынужден отвести ряд безграмотных предложений Маленкова, относившихся к проверенной практикой норме патронов, расходуемых военной приемкой при контрольном отстреле винтовок и пулеметов (какой-то «заботливый деятель», не зная глубины вопроса, поспешил пожаловаться в ЦК на большой расход боеприпасов). Затем, когда Маленков со свитой явился на полигон и стал разглагольствовать о достоинствах боевой техники, я не сдержался и указал, что он не понимает сути дела. Я отказался подписать представление И. В. Сталину о принятии реактивных минометов на вооружение, поскольку они не проходили в ГАУ испытаний. И, наконец, в разговоре с Маленковым, фантазировавшим о том, что РС чуть ли не заменят артиллерию, я неодобрительно отозвался о большом рассеивании реактивных снарядов.

Требовалось настоятельно вооружение и для войск НКВД. В 1941 году потребность не обеспечивалась поставками, отсюда конфликты и с этим ведомством. Учитывая, что главой НКВД был Берия, легко понять, в каких условиях приходилось с ним «конфликтовать». Как-то при очередном распределении вооружения присутствовал генерал-полковник Н. Н. Воронов. Вот что он написал впоследствии: «Сталину бросились в глаза цифры: «Для НКВД — 50 000 винтовок». Он забросал нас вопросами: кто конкретно дал эту заявку, зачем столько винтовок для НКВД? Мы сказали, что сами удивлены этим, но Берия настаивает. Тотчас же вызвали Берия. Тот пытался дать объяснение на грузинском языке. Сталин с раздражением оборвал его и предложил ответить по-русски: зачем и для чего ему нужно столько винтовок?

— Это нужно для вооружения вновь формируемых дивизий НКВД, — сказал Берия.

— Достаточно будет и половины — двадцати пяти тысяч.

Берия стал упрямо настаивать. Сталин дважды пытался урезонить его. Берия ничего не хотел слушать.

Тогда раздраженный до предела Сталин сказал нам:

— Зачеркните то, что там значится, и напишите десять тысяч винтовок.

И тут же утвердил ведомость.

Когда мы вышли из кабинета, нас догнал Берия и бросил злобно:

— Погодите, мы вам кишки выпустим!

...Мы не придали тогда должного значения его словам, считая их своего рода восточной шуткой. Только позже стало нам известно, что этот выродок и предатель обычно приводил свои угрозы в исполнение.

* * *

Слово Верховного было законом. В первый год войны я часто, почти каждый день вызывался в Ставку и убеждался в безукоснительном выполнении всеми его указаний. В разговоре с ним можно было приводить доводы в обоснование своих предложений. Можно было просить согласиться с тем, что можно выполнить, и не соглашаться, если Сталин иногда настаивал на невозможном. Твердо, не отступая перед острым в случае необходимости спором, всегда отстаивал перед Сталиным свою точку зрения нарком вооружений Д. Ф. Устинов.

Работу в Ставке отличала простота, интеллигентность. Никаких показных речей, повышенного тона, разговоры вполголоса. Сталин не любил, чтобы перед ним вытягивались в струнку, не терпел строевых подходов и поворотов. Как-то в Ставку был вызван один из начальников управлений Наркомата обороны. Генерал, войдя в кабинет (он вызывался в первый раз), сделал несколько шагов строго по строевому уставу, щелкнув каблуками, четко доложил о своем прибытии и замер в положении «смирно», Сталин задал несколько вопросов и, получив отрывистые ответы, отпустил генерала. Тот

по-строевому повернулся и твердым шагом вышел. Верховный нахмурился, глядя ему вслед, махнул рукой и перешел к другим делам. Генерал через несколько дней был заменен другим, убыл на фронт и, насколько я помню, получил там за отличие в боях звание Героя Советского Союза.

Крупное мероприятие, которым я горжусь по сей день, — категорическое распоряжение, отданное мною в самом начале войны: безоговорочно отводить всю тяжелую артиллерию в тыл, не поддаваясь соблазну ввести ее в дело, как бы ни была тяжела обстановка. Я знал, что ревнители «бдительности» могут без труда ложно истолковать этот приказ со всеми вытекающими последствиями для начальника ГАУ. Но я по службе в войсках знал ограниченную подвижность тяжелых и дорогостоящих орудий РГК. Я каменел при мысли о том, что красавицы — пушки и гаубицы, гордость армии и народное достояние — могут легко попасть в руки немцам. К сожалению, это было более чем реальной перспективой — танковые и мотомеханизированные соединения врага в то лето проходили иной раз до ста километров в день.

Как ни негодовали артиллеристы, жаждавшие обрушить снаряды на врага, они грузились в эшелоны и уходили на восток. При отходе, в оборонительных боях летом 1941 года мы потеряли всего несколько десятков тяжелых орудий. Вся основная масса этой мощной артиллерии — орудия калибра 203 и 280 мм, 152-мм дальнобойные пушки и кадровый состав были отведены и сосредоточены в лагерях глубоко в тылу. Мы знали, что придет время, и оно не так далеко, когда тяжелая артиллерия займет место в рядах победоносных войск, идущих на запад, проложит им путь могучим огнем. Так оно и случилось.

* * *

В середине сентября 1941 года Сталин предложил восстановить должность начальника артиллерии Красной Армии, объединиться с начартом и самому решить, кто кому будет подчинен. Вопрос о порядке подчинения он, видимо, не считал принципиальным, коль отнес его на мое усмотрение. К этому разговору я не был подготовлен, но в дела ГАУ довольно глубоко врос. У меня физически не хватало времени на решение всех своих вопросов, но отказаться от объединения не хватило решимости, хотя я и не видел в этом никакой необходимости. В самом деле, какое отношение имел начарт к заказам вооружения и боеприпасов? К обеспечению войск стрелково-пулеметным и минометным вооружением? К обеспечению танков вооружением и оптикой? К вооружению ВВС и ВМС наземным оружием? Но я немного Уже знал характер Н. Н. Воронова, знал, какое внимание придает он внешней стороне дела, и во избежание неизбежных, совершенно излишних трений предложил, чтобы ГАУ было подчинено ему. Сталин согласился.

Во время наших встреч со Сталиным я оценил собственную дальновидность. Сталину нравился Воронов, который к тому же, чтобы не раздражать собеседника заиканием, был похвально немногословен в Ставке. Даже «разносы» нас Верховным носили отеческий характер. Не могу не припомнить одну комическую сцену. Сталин, держа потухшую трубку в руке (верный признак дурного настроения), прохаживается перед нами, стоящими чуть не по стойке «смирно». Дело идет о каких-то пустяках, но Верховный непреклонен, сурово смотрит перед собой на уровне груди высокого Воронова, и в поле его зрения попадают ордена начарта. Излив раздражение, Верховный прошипел:

— Зазнались, орденов нахватили! — Последовала короткая пауза, после которой он, уже успокаиваясь, добавил: — Да ведь сам награждал!

* * *

Уехала из Москвы часть наркоматов, эвакуировалась часть промышленности, потянулось на восток население. Москва стала прифронтовой столицей, а Верховный оставался на посту в Москве. Немецкая авиация бомбила столицу. И если, когда Сталин работал в доме около метро «Кировская», его удавалось убедить уйти в убежище, то в октябрьско-ноябрьские дни он оставался в своем кабинете в Кремле и во время бомбардировок. Звенели стекла в окнах от стрельбы зениток и взрывов бомб, а в кабинете Верховного шла напряженная работа. Только говорили немного громче, чтобы перекрыть гул, стоявший над Москвой.

16 октября днем мне неожиданно позвонил Сталин и спросил: правда ли, что я уезжаю из Москвы? «Прошу этого не делать, остаться в Москве». Я доложил, что ГАУ грузится, а у меня и мысли об отъезде не возникало. «Вы остаетесь в Москве. Как же можно начальнику ГАУ уезжать из нее?» Сталин сказал, что это хорошо, а то ему доложили, о моем предполагаемом отъезде. Тут я вынужден был спросить, кто же позволяет себе докладывать то, чего нет в действительности? Последовал ответ: Хрулев. После разговора со Сталиным я тотчас же позвонил Андрею Васильевичу и попросил его, чтобы он не вводил в заблуждение Верховного. Хрулев стал что-то объяснять, но при всем к нему уважении пришлось резко сказать, что он ошибся и напрасно поспешил с докладом.

Нисколько не кривя душой, должен заявить, что в труднейшие октябрь и ноябрь 1941 года ни у кого из руководства, оставшегося в Москве, не было и намек на какую-либо панику и растерянность. Как-то уже в самом конце ноября к исходу глубокой ночи, когда мы вымотались до предела, Д. Ф. Устинов предложил мне поехать с ним на дачу и поспать там несколько часов. Наркомовская машина рывком взяла с места, и мы понеслись по загородному шоссе. Дача находилась в сорока с лишним километрах от Москвы, на Николиной горе. Едва добрались до постелей, как нас свалил тяжелый сон. А утром мы возвращались в Москву освеженные и бодрые. Приехав в ГАУ, я случайно узнал, что отдыхали-то мы под носом у врага. Как раз в ту ночь недалеко от Николиной горы бродили просочившиеся в наше расположение немецкие разведывательные отряды...

Орудие и миномет, даже танк без выстрела не представляют собой грозного оружия. Не опасен и самолет без бомбы. Бой — это грохот выстрелов и разрывов, вой осколков, свист пуль. Артподготовка — это потрясающая нервы и технику врага канонада. Мгновенный огневой налет и тотчас же перенос огня на фланги или в глубину — все это выстрелы, все это расход боеприпасов И все это очень нужно и является решающим в бою с врагом. Запросы на боеприпасы никогда не прекращаются. Впоследствии, когда мы стали получать боеприпасы в необходимом количестве, ГАУ взяло на себя еще одну функцию — напоминать, чтобы подвезенные к огневым позициям боеприпасы не оставались забытыми при продвижении вперед. К сожалению, это имело место. Отсюда частично известное «эхо войны», когда и по сей день приходится обезвреживать не только вражеские, но и собственные, забытые боеприпасы.

В том, что мы сумели хорошо наладить производство боеприпасов, огромную роль сыграл Дмитрий Федорович Устинов. Трудно, ох как трудно было Наркомату вооружений удовлетворять невероятные потребности фронтов. На долю Дмитрия Федоровича выпало, помимо прочего, тяжелое бремя исправления на ходу ошибок, допущенных перед войной до его прихода в Наркомат. По-всякому было во время войны. Вспыхивали горячие споры, но всегда они заканчивались нахождением решений, отвечающих интересам дела.

* * *

В годы войны ГАУ пристально следило за разумностью использования того или иного вооружения. Опрометчиво принятый в июле 1941 года, вопреки мнению ГАУ, 37-мм миномет-лопата был после двухмесячного производства снят с вооружения как

малоэффективный. Помнится, один из ретивых артиллеристов решил испытать этот миномет-лопату выстрелом стоя, с упором плиты его в живот. Конечно, при отдаче он был за свою такую ретивость наказан.

Для меня этот миномет памятен и очередной стычкой с Маленковым. Он явился на полигон, чтобы лично проверить, как действует оружие. Зрелище было комическое: тучный Маленков, лежа на животе, стреляет из миномета-лопаты. Сопровождавшие его чины ахали и охали, выражая свое восхищение происходящим: как же, сам товарищ Маленков изволят стрелять... Сделав выстрел, он поднялся и потребовал от меня немедленно подготовить документацию о передаче промышленности заказа на миллион минометов-лопат. Спорить с ним, разгоряченным собственным «подвигом», было бесполезно. Я только осведомился: ста мин для каждого миномета будет достаточно на первый случай? Маленков согласился. Тогда я поинтересовался: за счет чего промышленность изготовит 100 миллионов мин? Окинув меня грозным взглядом, Маленков молча пошел к машине. На том дело и кончилось.

* * *

Как сейчас, помню вечер в Ставке после окончательного разгрома группировки фашистских войск под Сталинградом. Поскребышев вошел в кабинет И. В. Сталина и доложил, что через несколько минут будут передавать по радио приказ наркома обороны о победе наших войск. В кабинете Сталина не было ни радиоприемника, ни радиоточки. Она находилась в кабинете Поскребышева. В Ставке в этот час находился и Г. К. Жуков. Сталин предложил пойти послушать Левитана.

Безмерно радуясь содержанию передававшегося по радио приказа, я наблюдал, как Сталин, расправив плечи и став как будто выше ростом, попыхивал трубкой, останавливался с гордо поднятой головой и, поглядывая поочередно то на Георгия Константиновича, то на нас, не скрывал своего удовлетворения победой и гордости за блестящий успех наших войск. Особенно он подтянулся и приосанился, когда Левитан читал раздел приказа о пленении немецких генералов, среди которых был и фельдмаршал Паулюс. И это было так понятно. После многих месяцев труднейших, ожесточеннейших сражений требовалась разрядка. Теперь и вовсе стало ясным превосходство наших войск над кичливым врагом с его хваленными генералами и фельдмаршалами.

* * *

После Курской битвы стало ясно, что наш превосходный танк Т-34, равного которому по своим боевым качествам не было ни у врагов, ни у союзников, нуждается в более мощной пушке, чем 76-мм калибра. К декабрю 1943 года В. Г. Грабиным была отработана и изготовлена новая 85-мм танковая пушка с начальной скоростью полета снаряда 800 метров в секунду. Увеличивалась дальность прямого выстрела, и снарядом пробивалась более толстая броня. Сталин торопил нас с новым заказом. Нервничал он сам, его нервозность передавалась и нам. 29 декабря наркомы Д. Ф. Устинов, В. А. Малышев, Б. Л. Ванников, командующий бронетанковыми войсками Я. Н. Федоренко и я вылетели на научно-испытательный полигон ГАУ, который с началом блокады Ленинграда (там оставался главный полигон ГАУ) пришлось организовать неподалеку от города Горького.

К нашему приезду из новой пушки было сделано немало выстрелов, в том числе и так называемых усиленных. Программа испытаний шла к концу. Танк и пушка показывали вполне удовлетворительные результаты. Пробыв полдня на полигоне, мы всей группой отправились на 92-й завод в Горький, чтобы договориться о начале поставок новых орудий. С 1 февраля 1944 года танки Т-34 должны были поступать на фронт уже с новой 85-мм пушкой.

Когда мы возвратились в Москву, группа вооруженцев вместе с представителями заинтересованных ведомств подготовила проект постановления ГКО. Этот проект, подписанный Устиновым, Малышевым, Ванниковым и Федоренко, поздно вечером 31 декабря рассматривался в ГКО. Там ждали, когда его подпишу я. Все присутствовавшие упрекали меня в медлительности и нерешительности. Я же, зная, что осталось отстрелять из пушки еще несколько десятков проверочных выстрелов (чтобы закончить полностью программу испытаний), и не имея окончательного заключения полигона, колебался и пока воздерживался от подписи. Потом, ввиду того, что наступает Новый год, уступил давлению, подписал проект, и в час ночи 1 января 1944 года было получено постановление ГКО, утвержденное Сталиным.

Утром, часов в девять, мне позвонили с полигона и сообщили, что после окончания испытаний по одному из узлов противооткатных приспособлений орудия получены неудовлетворительные результаты, и поэтому пушка считается не выдержавшей испытаний и подлежит доработке. Это было полной неожиданностью. Нечего и говорить, что тотчас же в Наркомате вооружения собрались все, кто имел отношение к созданию пушки. При участии компетентных специалистов и самого Грабина проанализировали результаты испытаний. Было найдено решение, и после твердого заверения руководства завода, что дефект будет быстро устранен, появилась уверенность, что пушку в январе доиспытывают, а с 1 февраля, как и было намечено танки Т-34 пойдут с новой пушкой.

Тем не менее малоприятный факт утаивать от И. В. Сталина было нельзя. Около 14 часов я позвонил ему и доложил о происшедшем. Сталин молча выслушал меня и, ничего не сказав, положил трубку. Вечером в своем кабинете Верховный медленно прохаживался по комнате, останавливался против меня и, сурово глядя, грозил мне пальцем; вновь прохаживался, опять останавливался и снова грозил. Потом сказал:

— Это вам урок на будущее.

Д. Ф. Устинов счел необходимым выехать на завод и сутками не выходил из цехов. Под его наблюдением на четвертые сутки была готова очень сложная деталь пушки — стальная люлька, которая буквально за десятки часов прошла путь от «белков» (чертежей) до отливки и окончательной отделки. Так создавалась эта пушка.

* * *

...В любом случае, работая со Сталиным, надо было иметь в виду его цепкую, поистине необъятную память, внимание к мелочам в громадном деле боевого обеспечения армии. Как-то в 1943 году, утверждая план отпуска вооружений, он обратил внимание на мое прошение отпустить Северо-Западному фронту сорок 107-мм пушек образца 1910–1930 годов. Я, откровенно говоря, думал, вряд ли он обратит внимание на эту строчку. Но последовал вопрос: зачем это Курочкину (командующий фронтом), который не ведет активных действий, вы предлагаете отпустить 107-мм пушки, почему это ГАУ вдруг расщедрилось? Я сказал, что на вооружении сейчас 122-мм пушки, а 107-миллиметровые, достаточно устаревшие, находятся в запасе. Раньше они назывались 42-линейными. Сталин вспомнил, что такие орудия хорошо себя показали под Царицыном в 1918 году. Нужно заметить, что он Сталинград обычно называл Царицыном, а Горький — Нижним.

— И все-таки в чем причина вашей щедрости? — продолжал допытываться Сталин

— Курочкин готовится освобождать Старую Руссу. А это мой родной город, — признался я.

— Ну, коль родной, то надо отпустить, — усмехнулся он.

Старую Руссу Сталин тоже знал по 1919 году. В ту пору там находился штаб Западного фронта, а Сталин был членом РВС фронта.

В феврале 1944 года я был в Ставке по текущим делам и был удивлен, когда Сталин мне сказал, что Старая Русса в наших руках (я этого еще не знал), но название «Старорусская» не будет присвоено ни одной из стрелковых дивизий, так как немцы,

опасаясь окружения, оставили Старую Руссу ночью, а наши войска их отход прозевали.

— Но, — говорю я ему, — в старой армии в России был 113-й пехотный Старорусский полк.

— Ну это было в старой армии, — развел руками Сталин и шутивно расшаркался и поклонился. — А у нас, как видите, оснований давать такое название нет.

Все же это название наши части получили. Когда немцы покинули Старую Руссу, в ней не оказалось жителей. Город был весь разрушен. Жители, не успевшие эвакуироваться летом 1941 года, частью ушли в деревни, частью в партизаны, а многие погибли от рук фашистов.

* * *

Верховный очень внимательно относился к предложениям командующих фронтами, но бывал довольно скептически настроен, когда они иной раз предлагали не совсем понятные «проекты». Помню, мы в Ставке были удивлены, когда Мерецков предложил Сталину ввести в стрелковых войсках подразделения гренадер, вооружив их противотанковыми гранатами и противотанковыми ружьями. Сталин ответил, что у нас есть гвардейские части, ударные армии, в которых у бойцов есть то же самое вооружение, поэтому вряд ли целесообразно вводить такое название. Неожиданно, почти в полный голос, немного картавивший Мерецков гаркнул:

— Здорово, гренадеры! — И уже тише спросил: — Не правда ли, звучит красиво!

Сталин вздрогнул и недоуменно посмотрел на него:

— Ну, если только из-за этого вводить новое название, то это будет вряд ли уместно.

Так и остались мы без гренадер.

Летом 1944 года кто-то из фронтовиков предложил Ставке сформировать несколько кавалерийских корпусов для преследования отходящего противника. Сталин усомнился в этом и заявил, что преследовать врага лучше танками. Но докладчик настаивал, приводя в качестве довода то обстоятельство, что сейчас лето и сена для лошадей достаточно. Сталин посмотрел мимо него и ядовито сказал:

— Сено... И только из-за этого вы и предлагаете сформировать кавалерийские корпуса? Несерьезно все это и неприемлемо.

* * *

При всей значимости работы в ГАУ я все-таки считал себя строевым командиром, место которого, конечно же, в войсках. Мне было в высшей степени обидно, что за боевыми действиями приходится наблюдать со стороны, из Москвы, а не быть их непосредственным участником.

Когда поставки вооружения и боеприпасов приняли устойчивый характер, я во время одного из докладов в Ставке попросил отпустить меня на фронт. Неожиданно последовала бурная реакция. Сталин нахмурился и коротко бросил:

— Работайте, где работаете!

Распрощался сухо, а в приемной Поскребышева меня остановили члены ГКО, упрекая за неуважение к Сталину, который, руководя фронтами, опирается на глав центрального аппарата Наркомата обороны, а один из них смеет просить отпустить его на фронт, как будто Сталин занят чем-то другим, а не руководит фронтами, и что здесь не легче, чем там.

Тем не менее во время докладов в Ставке я все чаще стал повторять, что для лучшей организации дела в ГАУ полезно собственными глазами взглянуть на боевое использование артиллерии. Сталин сердился, отмахивался, бывали неприятные перепалки, но в конце концов он согласился отпустить меня на фронт. Поездки эти оказались очень полезными.

Самой памятной была поездка с представителем Ставки Г. К. Жуковым на 1-й и 2-й Белорусские фронты. Было это в 1944 году, когда готовилась Белорусская операция. Жуков сам обратился к Сталину с просьбой отпустить меня с ним в качестве помощника по артиллерии. Так я оказался на фронте. Жуков провел рекогносцировки расположения противника, побывав на наблюдательных пунктах всех стрелковых дивизий ударной группировки. С ним выезжали Рокоссовский, Булганин, Казаков и я.

Вместе с Жуковым побывал я и на 2-м Белорусском фронте, где мы также проверяли ход подготовки к наступлению. Фронту требовалась помощь мощными артсредствами. Из резерва Ставки был выделен дивизион 305-мм гаубиц, который хорошо использовали уже в самом начале операции, хотя и потребовалось много хлопот по скрытному развертыванию артсистем. Тут же, на 2-м Белорусском фронте, были согласованы совместные боевые действия артиллерии с военно-воздушными силами.

24 июня 1944 года, еще в предрассветных сумерках, началась мощная артиллерийская подготовка. В первый день полный успех обозначился на левом крыле ударной группировки 1-го Белорусского фронта. Резко запечатлелись в памяти действия нашей бомбардировочной авиации. На третий день, особенно во вторую половину его, при безоблачной погоде по 40–45 наших бомбардировщиков волнами выходили к дамбе, ведущей к переправе через Березину, к которой бросились отступавшие немецкие войска, и наносили мощные бомбовые удары. По этой дамбе потом не только проехать, но и пройти в освобожденный Бобруйск было невозможно.

Со взятием Бобруйска мне следовало переехать на левое крыло фронта, под Ковель, и там принять участие в подготовке следующей фронтовой операции. Жуков поздно вечером 30 июня выслушал меня и пожелал счастливого пути. Но через час, когда я уже собирался, срочно вызвал к телефону и передал приказ Верховного, чтобы я немедленно выезжал в Москву. Там мне было сказано: хватит воевать, надо работать в ГАУ

Думаю, что то, что было сделано мною во время кратковременных поездок на фронт, было более чем высоко оценено — меня наградили двумя орденами Суворова первой степени и орденом Кутузова первой степени. Те, кто знает порядок награждения в случаях, подобных моему, когда решение принималось Ставкой, помнят, что Сталин напрасно ордена не раздавал.

Угрозу Берии «выпустить нам кишки» я вспомнил уже после войны. Жаловался на меня Сталину и Мехлис за то, что я не слишком почтительно обходился с ним. После одной такой жалобы Сталин как-то сказал мне:

— Вас надо судить за неподчинение начальству.

Это или что другое сыграло свою роль, но в последние годы жизни Сталина я очутился в тюремной одиночке. Лишь смерть Сталина распахнула передо мной ворота тюрьмы.

Источник: «Молодая гвардия», 1993, № 5–6.